

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ОТКЛОНЕНИЕ
К СОВЕРШЕНСТВУ

Василий Головачев

Отклонение к совершенству

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123140

Василий Головачев. Отклонение к совершенству: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-11366-5

Аннотация

Полет фантазии Василия Головачева поистине неудержим. Вместе с героями его повестей и рассказов мы путешествуем во времени и пространстве, переносимся в глубины Космоса и в отдаленные уголки нашей родной планеты, участвуем в схватках с чужим разумом и исследуем параллельные миры... На страницах этой книги можно встретить неутомимых исследователей и искателей приключений, отважных воинов и коварных инопланетных монстров, нет места лишь для скуки и однообразия!

Первый контакт с неизвестной цивилизацией. Люди наблюдают за жизнью на планете, не подозревая, что они сами – объект изучения. Прозрение наступает, но...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Головачев

Отклонение к совершенству

Часть первая

Меланхолический страж

Глава 1

Что-то заставило его насторожиться, сон исчез.

Неверов открыл глаза, полежал, глядя в голубое струение потолка, и покосился на постоянно включенную видеоцепь. В одном из окон дальновидения ближайший к Зоне страж топтался на своем странном насесте, озираясь по сторонам блюдцеобразными белыми глазами. Ветер донес далекий полуклекот-полувой, и страж заволновался, захлопал крыльями, тяжелыми и уродливыми на вид, заорал. Судя по крику, горло он имел, по крайней мере, железное.

Дежуривший у пульта связи Диего Вирт оглянулся и уменьшил громкость внешнего звукоприема.

– Опять передача? – вздохнул Неверов, вставая. – Поспать

не дадут...

В спокойных светлых глазах Диего мелькнула улыбка.

– Пора бы привыкнуть, ворчун. Мне они тоже покоя не дают в твое дежурство, однако я не ворчу.

– Тебе хорошо, ты вон какой здоровый!.. А я слабый и хилый... И вообще человек без чувства юмора выносливей.

– Спасибо.

– На здоровье.

По пульту беззвучно метнулись желтые огни, складываясь в знакомую комбинацию, и тотчас же отозвался динамик дешифратора:

«Внимание, вызов! Сто один дробь три, пятое февраля, семнадцать часов сорок минут относительного, аппаратура готова».

Диего ответил стандартным: «Вызов принят» – и приготовился к приему информации.

Прошлепав босыми ногами до бокового крыла пульта, Неверов включил блок дубль-связи с Базой и поприветствовал проявившуюся в виоме сонную физиономию дежурного Базы. Это был Гунн.

– Привет, Эдвин. Спишь? Не проспи смену.

– Что у вас там? – не принял шутливого тона Гунн, который обладал редким даром не реагировать на шутки в свой адрес. – Опять запрос на энергоснабжение вне графика?

– Мы же не виноваты, что автоматы защиты Зоны срабатывают так часто. Включай запись. Поступил словосигнал,

очередная передача.

Особый плоский экран над пультом связи, окруженный тройным кольцом датчиков выбора программ, загорелся серым дрожащим светом, то убыстряя ход, то замирая, и стало ясно, что на этот раз ничего путного он не покажет. До сих пор специалисты земных институтов не могли разобраться в логике видеопередач коренных обитателей планеты – энифиан. Передачи не поддавались расшифровке, и ведущие математики Базы считали, что в данном случае необходим принципиально иной подход к проблеме видеосвязи с энифианами. Парадокс состоял в том, что энифиане и люди уже понемногу общались через обычную радиосвязь, то есть расшифровывали язык друг друга, но видеопередачи – наиболее наглядный и простой способ коммуникации – принимать не могли. А может быть, этого не хотели сами хозяева планеты, неведомые энифиане, до сих пор остававшиеся анонимами...

– Да-а, парадокс, – сказал вслух Неверов, глядя на экран, подумал и добавил: – Парадокс – это когда у человека голова пустая, но тяжелая.

– Ты мне? – осведомился Гунн, помаргивая пушистыми ресницами – предметом зависти красивейшей половины Базы.

– Они сегодня не в духе, – заметил вскользь Диего Вирт. – Они не выспавшись.

– Заметно, – сказал Гунн, которого никогда не покидало

ровное флегматическое настроение.

Экран все еще показывал серебристую пустоту с плывущими нечеткими силуэтами, волны мутной желтизны пошли по нему, как круги по воде, ничего осмысленного, а дешифратор вдруг выдал длинную фразу перевода.

Энифиане интересовались сравнительными характеристиками нервных систем человека и высших животных Земли.

Массивный бритоголовый Вирт с брезгливой гримасой отщелкнул индекс запроса на Базу, встрепенувшийся Гунн покачал головой и показал пятерню – ответа надо было ждать пять минут.

– Вот так, – сказал Диего, оттопырив губу, взглянул на стоящего босиком Неверова.

Диего Вирт представлял собой натуру сдержанную, решительную, наделенную недюжинной силой воли и выдержкой. Вместе с тем был он склонен к иронии, что не раз помогало ему в трудных ситуациях.

Лен Неверов был, наоборот, разговорчив, общителен, любил пошутить, но болезненно воспринимал шутки в свой адрес, хотя обиды при этом старался не выказывать и смеялся над собой вместе со всеми.

Они и внешне отличались друг от друга. Диего был широк, мускулист, казался медлительным из-за точно выверенных и скупых движений, но обладал при этом отлично развитой реакцией на опасность. На круглом его лице выделя-

лись светлые внимательные глаза, в которых ничего нельзя было прочесть, кроме безмятежного спокойствия.

У Неверова было скуластое лицо с карими глазами и крупными, нечеткого рисунка губами. Был он худощав, с нормально развитой мускулатурой, но узок в талии. Движения его всегда были стремительными и резкими. Впрочем, это касалось и речи.

Диего Вирт был старше Неверова примерно вдвое.

– Похудел ты, – участливо произнес Диего. – Девушки любить перестанут. Ложись-ка спать, сон улучшает цвет лица. Я и один справлюсь.

– В такой обстановке улучшить цвет лица – проблема. И что я в тебе нашел, соглашаясь на дежурство?

– Наверное, то, что я красивый.

Неверов не выдержал и засмеялся.

Гунн молча взирал на него из виома, ни один мускул не дрогнул на его философски спокойном лице, напоминающем циферблат прибора.

В это время пришел ответ из информария Базы. Гунн передал информацию по запросу и с разрешения руководства Базы предложил контрвопрос разумным обитателям планеты о состоянии и потенциалах космической техники.

Диего, почти не глядя на клавиатуру пульта, с молниеносной быстротой закодировал ответ и свой вопрос, передал в эфир и сгорбился над пультом. В последнее время с ним явно что-то происходило.

– Все же непонятно мне, – сказал Неверов с легкой завистью (так работать с пультом контакта он еще не умел). – Энифиане еще ни разу не поинтересовались нашей техникой, достижениями науки... Почему-то их интересуют лишь биология, обществоведение, культура и искусство. Ни одного технического вопроса! Даже обидно, ей-богу! Неужели мы настолько отстаем от них технически? К тому же сами они не отвечают на наши вопросы. Я, например, до сих пор не знаю, кто они: люди, гуманоиды или какие-нибудь разумные муравьи. Может быть, ты знаешь? Нет. А почему? Ни разу не слышал, чтобы контакт устанавливался с анонимом! Может, страж на скале и есть энифианин, наш неизвестный собеседник? – Неверов встал и подошел к окну дальновидения. – В романах хорошо описывается встреча землян с инопланетянами: прекрасный юноша даже влюбляется в не менее прекрасную девушку с альфы Сириуса... А кто способен влюбиться в эту образину?

Диего поднял голову и оценивающе посмотрел на уродливую фигуру стража.

– Может быть, Эдвин Гунн?

– Я серьезно, а ты смеешься. Об энифианах мы знаем так мало, что начинают зарождаться сомнения в целесообразности контакта. Почему они не говорят, как выглядит рядовой абориген? С какой целью от нас скрывают устройство общества на планете? Это же, по крайней мере, странно, согласись.

– Не отрицаю. Видимо, у них свои цели контакта.

– Какие? Эх, Диего, не будь инструкций, включил бы я одностороннюю связь и спросил бы у них напрямик...

– Какие мы сегодня воинственные, – с иронией сказал Диего и грузно встал. – Тебе вредно просыпаться среди ночи два раза подряд. Ложись и досыпай, у тебя еще два с лишним часа.

– Ну вот, – грустно произнес Неверов. – Убил мою инициативу в зародыше. Скучный человек, киллджой¹, как говорит Эдвин, поговорить невозможно. И почему ты всегда поступаешь правильно?

Диего Вирт, не отвечая, как-то странно повернулся вполоборота к пульту и наклонил голову, будто прислушиваясь. И почти сразу же вслед за этим закричал страж, резко, переливчато, словно предупреждая о чем-то...

Когда Неверов улегся в постель и уснул, Диего вызвал Базу по ОЭЛ – особо экранированной линии, делавшей невозможным для энифиан любой перехват передач, и соединился с кабинетом директора. В виоме появилось лицо Доброгнева.

– Ждан, я, кажется, начинаю понимать причину происходящих в организме изменений: энифиане используют излучение, которое не только перестраивает геномы клеток, но и воздействует на кору головного мозга, высвобождая скрытые его резервы. Передо мной открываются грандиозные пер-

---

¹ Киллджой (*англ.*) – буквально: убийца радости, то есть неинтересный человек.

спективы! Я, например, начинаю слышать крики стражей задолго до того, как их начинает регистрировать аппаратура Зоны, и, по-видимому, это еще не все. Я чувствую в себе изменения, которые сбивают меня с толку.

Властное, с тяжелым подбородком лицо Доброгнева померкнуло.

– О том, что это направленный мутагенез, было известно и раньше. Непонятно другое – цель этого «эксперимента». До каких пределов могут дойти энифиане в запале своих «изысканий»? Меня это тревожит в первую очередь, потому что, по некоторым соображениям, мы не можем спросить у энифиан об этом прямо.

– Только что оной нашей нерешительности удивлялся мой напарник.

– Он воспринимает все чересчур непосредственно, но он прав. А ты... ты становишься мутантом, Диего. И хотя в твоих «открытиях» пока нет ничего плохого, но и хорошего мало. Во всяком случае, ты – находка для пандологов² и генных инженеров, пусть хоть это тебя утешает. Я поговорю с Нагориним. Кстати, ты подготовил результаты штатного анализа?

– Отправлю по обычному каналу после смены.

– Добро. А может быть, прервать твое дежурство, пока не поздно? Очень уж неуютно ждать сюрпризов.

– Прервать можно в любой момент, но кто тогда ответит

---

² Пандология – наука, изучающая резервы человеческого организма и возможности их использования (*фант.*).

на все ваши вопросы? Нельзя же, как этот юноша, произнести риторические «зачем» и «почему» и не ждать ответа.

– Тогда держись, разведчик.

Виом опустел, и Диего выключил канал связи. Синий полумрак сгустился в зале центра связи Зоны, уплотнил тени в углах. Тихий отчетливый шелест доносился из динамиков над пультом: сквозь стены стучалась к людям электрическая жизнь планеты Эниф.

В постели у дальней стены зала посапывал, уткнувшись носом в подушку, Лен Неверов.

Дым не струился пеленой или клубами, а рассыпался крупными хлопьями, неслышно появляясь из широких трещин, разорвавших полотно дороги на отдельные рваные плиты. Ветер гнал быстро тающие светящиеся хлопья призрачной метелью к низкому, запятнанному облаками небу; небо флуоресцировало тусклой зеленью.

– О-оррр! О-о-у-уррр! – заорал вдруг совсем близко невидимый страж, так что Неверов шархнул в сторону и едва не свалился с дороги в темную яму, напоминавшую колодец.

– Чтоб тебя!..

– Отличное горло! – заметил Диего, облитый поблескивающим стеклом скафандра.

Страж снова заорал, и ему отозвались другие стражи; вскрик удалился в темноту.

– Сидят и наблюдают, – буркнул Неверов. – Вот уж дей-

ствительно стражи! Нас сторожат или за себя боятся?

– Поменьше эмоций, – отозвался философски настроенный Диего. – Странно, двенадцатый час ночи, а стражи еще не спят. По моим наблюдениям, сон у них начинается сразу после наступления ночи. Кстати, как ты думаешь, кто построил дорогу? Не сами же энифиане? Все орбитальные наблюдения доказывают, что дорог на Энифе нет, только вот этот аппендикс возле Зоны. Напрашивается вывод, что дорогу строили какие-то гости вроде нас. Соображаешь?

– Ты хочешь сказать, что не мы первые устанавливаем контакт с энифианами?

– Именно.

Неверов пожал плечами и отошел от здания Зоны на несколько шагов. Скафандр его засветился ровным оранжевым светом – заработал светомаяк. Словно в ответ на движение человека ближайший страж загредел камнями, сорвался со скалы-наседа и тенью метнулся к дороге, мерцая огненными блюдцами глаз.

Диего инстинктивно положил руку на рукоять «универсала», но страж, не долетев до них десятка метров, сделал немислимый пируэт и темным пятном вознесся к небесам – только ветром повеяло.

– Урод глазастый! – громко сказал Неверов, продолжая идти в сторону дороги. – Чудовище, и мерзкое притом! Чего он на нас кидается? Не узнал? Знаешь, тревожит меня скверное предчувствие – не все у них благополучно на планете. Не

потому ли и не отвечают на наши вопросы? Особенно касающиеся их общественного строя.

– Ах, Лен, – в тон ему проговорил Диего. – Мы могли бы получать информацию о деятельности энифиан не только посредством официальных запросов, возможностей для этого у нас хватает. Ты пойми, надо, чтобы они *добровольно* не утаивали от нас ничего, чтобы поняли – мы тоже обладаем той дисциплиной мысли и действия, которая необходима для настоящего плодотворного контакта. Что, если энифиане проверяют нас именно в этом направлении?

Неверов невольно замедлил шаг. «Неужели знает?! – подумал он с испугом. – Не может он знать. Знал бы – давно сказал бы...»

– Это их условия контакта, – продолжал Диего, словно рассуждая вслух, – а условия надо соблюдать, даже если они оговорены анонимом.

– Почему же энифиане тогда так осторожны в ответах? Будто оценивают – пойдет это им во вред или не пойдет?

– Ты сам ответил на этот вопрос. Кстати, ты куда, собственно, направился?

– Сейчас... хочу проверить одно обстоятельство. Вчера вечером я пытался дойти до «кустиков», но дальше дороги не смог...

– Не испытывай судьбу. – Диего нехотя пошел вслед за товарищем.

– Любопытное явление... сейчас то же самое... Непохо-

же, чтобы меня кто-нибудь задерживал... какой-то психологический феномен. Просто не могу заставить себя шагнуть дальше. И не боюсь, и не могу! Ф-фу. Даже жарко стало!

Неверов вернулся к дороге.

– Не хочешь испытать на себе?

– Не желаю, – сказал Диего, глядя на близкую скалу стража, перечеркнувшую небосвод изогнутой тенью.

Неверов тоже посмотрел на стража, который не переставал возиться и иногда яростно чесал чешуйчатую кожу когтями – мерзкий звук, напоминавший скрежет напильника по стеклу. Дальше, за столбом, шла ворочающаяся темень, не смягчаемая даже текучим фосфором неба, и было там жутко и неприятно. Кто-то безглазый смотрел оттуда, смотрел изучающе и неодобрительно. Неверову внезапно захотелось выпалить в темноту из пистолета, поэтому он повернулся и быстро пошел к сплошному белому параллелепипеду Зоны. Трещины и колдобины в дороге приходилось угадывать почти на ощупь: стены Зоны светились так слабо, что не рассеивали мрак даже на расстоянии полуметра.

Диего уже исчез в стене, оставив ясно видимый прямоугольник проницаемости. Неверов шагнул за ним и не выдержал, оглянулся.

Где-то далеко-далеко на горизонте он увидел плывущие огоньки, цепочкой охватывающие Зону. Ветер с той стороны донес глухой рокот, мелко-мелко задрожала почва. Неверов, затаив дыхание, несколько минут с жадным интересом на-

блюдал за мигающими огоньками, но рядом дико закричал страж, и очарование ночной тайны исчезло, уступив место негодованию. Неверов сплюнул в гневе, тут же убедившись, что он в скафандре. «Что это со мной? – с удивлением подумал он. – С чего я так нервничаю? Вот узнал бы Диего, какие у меня слабые нервы! стыдно, коммуникатор, специалист, так сказать, по контактам... Надо держать себя в руках!»

Неверов не предполагал, что Диего Вирт знает о нем все, даже то, чего он сам о себе знать не мог.

Глава 2

Ночь на Энифе на широте Зоны длится тридцать один час с минутами, почти столько же, сколько и день. Ночь для энифиан священна: никаких вопросов в это время суток они не задавали и вообще прекращали деловую связь. Поэтому через каждые тридцать часов энифианского дня для двух коммуникаторов – специалистов по контактам в коробке Зоны контакта наступало время решения личных вопросов. Было известно, что все дежурившие в Зоне занимались в это время делом полезным и перспективным. Степанюк и Генри Лайрн, например, создавали оптимальную программу расшифровки видеопередач энифиан, оба имели дипломы математиков. Юревич за смену до них пытался нарисовать меняющийся пейзаж вокруг Зоны. Его работы экспонировались потом в залах Института внеземных культур в Ленинграде. А его напарник Виктор Зубавин проанализировал крики стражей, без особого успеха доказывая связь криков с передаваемой энифианами информацией.

Что делал Диего, Неверов в точности не знал. Во-первых, потому что сам в это время бывал до предела занят, во-вторых, застав однажды товарища на ложе кибердиагноста, он увидел совсем другого Диего – сурового и далекого от всего происходящего вокруг, и это обстоятельство удержало его от расспросов.

Сам Неверов занимался тем, что монтировал мини-роботов из богатого набора универсальных узлов дубль-систем Зоны. Внутренности роботов он начинял видеозаписывающими устройствами и посылал за пределы здания, нарушая тем самым не только инструкцию поведения в Зоне, но и приказ директора Базы Доброгнева, категорически запретившего любые эксперименты с познавательной целью на территории Зоны и вне ее. Была, конечно, у Неверова тень опасения, что его «деятельность» не так уж и безобидна, как ему кажется с первого взгляда, но ни один мини-робот из вылазок не вернулся, энифиане протеста не заявляли, к инструкциям Неверов относился скептически, и заинтересованность его не убывала.

Рассветало, когда напрасно ожидавший очередного робота Неверов, злой и невыспавшийся, пнул ногой самодельное программное устройство, с помощью которого надеялся управлять роботами дистанционно, и неожиданно для себя заметил скромно пристроившегося в углу зала Диего.

– Ничего? – спокойно спросил тот, отпивая глоток сока из дымчатого бокала.

– Ага... – заикаясь, ответил Неверов. – Молчит, кретин кибернетический! А ты, собственно... о чем ты?

– Пойдем, – коротко и грустно сказал Диего и аккуратно поставил пустой бокал на футляр передатчика.

Они вышли из отсека силовых агрегатов Зоны, приспособленного Неверовым под мастерскую, спустились на по-

следний этаж, прошли коридором в конец здания и остановились перед белым прямоугольником запертой двери, назначение которой Неверов, как ни силился, вспомнить не мог.

Диего, насвистывая популярное попури из репертуара ансамбля «Василек», открыл контур проницаемости двери и вошел. Неверов, недоумевая, шагнул следом, и взору его открылось кубическое помещение, заставленное аппаратами и антеннами экранирующих устройств. Диего отступил в сторону, и Неверов увидел роботов, которых он творил и ждал с неиссякаемым долготерпением. Тихие и нелепые маленькие уродцы с торчащими соплами реактивных двигателей выглядели до слез одинокими и неживыми, словно приговоренные к казни, и Неверов даже протянул руку, собираясь погладить синеватый глянцевоый бок последнего робота, но передумал и спрятал руку за спину.

– Шесть? – спросил Диего совсем грустно.

– Шесть. Как ты это делаешь?

– Не я – защита от... скажем, от случайностей. К сожалению, не ты один сторонник активных методов изучения энифианской цивилизации. Но если ты пока под защитой своего никакого опыта, то остальные... Помнишь Быстрова, бортингенера Базы? Он использовал геологические автоматы серии «Л» с обратной связью, вон от него логический блок, остальное я демонтировал и отправил на Базу еще в прошлую смену. Туд пытался запустить на дороге робота-плане-

торазведчика с гамма-излучателем. А Резванов решил поймать стража силовой ловушкой с целью его дальнейшего анатомирования. Хорошо, что строители еще до монтажа Зоны предусмотрели подобные ситуации.

Неверов изменился в лице, постоял немного, глядя на роботов, и быстрыми шагами поднялся наверх. Диего проводил его задумчивым взглядом, покачал головой и, осторожно ворочаясь в тесном помещении, вынул из последнего неверовского робота неиспользованную видеокассету. Потом открыл большой металлический ящик в углу комнаты, положил туда кассету, с минуту разглядывал содержимое ящика и со вздохом закрыл крышку.

«Любопытство – не порок, – подумал он, выходя из комнаты. – Чего добиваются мои нетерпеливые друзья, я знаю, но вот чего хотят от нас энифиане, хотел бы я знать? Не забыть бы очистить сейф от хлама, и можно выключить защиту: теперь никто не станет пытаться тайком проникнуть за пределы Зоны...»

Новый день ничего особенного не принес. Диего вел себя как и прежде, так что в конце концов Неверов перестал дуться неизвестно на кого. Поразмыслив, он понял, что еще легко отделался. Диего никому не расскажет об инциденте, а вот как отреагировали бы сами энифиане, узрев нарушение «подписанного контракта», поди отгадай! Все могло кончиться весьма плачевно, и прости-прощай тогда Комиссия по контактам, и Институт внеземных культур, и аспи-

рантура, и, может быть, слава... Что ж, учись размышлять вовремя, коммуникатор...

В первой утренней смене дежурил всегда Диего, более опытный. Неверов сначала наблюдал за его работой с пульта, прислушиваясь к переводу со стороны энифиан, но интересного для него было мало – энифиан интересовали стереотипы поведения человека в экстремальных условиях, – и он решил выйти наружу.

– Только, пожалуйста, без экспериментов, – попросил Диего, не оглядываясь. Неверов мог поклясться, что тот подслушал его мысли.

– Постараюсь, – кротко ответил он.

То ли потому, что выход человека из Зоны в дневное время был явлением чрезвычайным, то ли этот страж питал к Неверову расположение, но при его появлении он молча снялся с насеста, спикировал чуть ли не на макушку коммуникатора, сделал круг над его головой и взвился на скалу. Кричать при этом он не стал, меланхолический сегодня был страж.

Неверов подождал некоторое время, глядя на жуткую апокалипсическую фигуру, подумал, что природе, наверное, немало пришлось пофантазировать, создавая подобное существо, потом отошел от здания Зоны и осмотрелся.

Его окружал чужой, знакомый только внешне, по высотной видеосъемке, и полностью загадочный мир: высокое, какое-то очень легкое небо, часто зеленеющее от при-

ближающихся грозových фронтов до изумрудного свечения; большое, с земную Луну, сплющенное рефракцией светило Эниф, словно жестяной поднос проглядывающее в небе; всхолмленная, поросшая пушистым и безлистным кустарником равнина Контакта, окружавшая Зону со всех сторон; далеко на западе – силуэты гор; цепочка игольчатых скал с площадками стражей, пересекающая равнину с востока на запад; небольшое озерцо тяжелой синей воды, видневшееся за близкими холмами, поросшими чем-то вроде спутанных черных канатов...

Тишину и запустение этого мира можно оценить по стражам, изредка шевелящимся на скалах, как большие угрюмые вороны, да по ветру, волнующему ворсистый ковер высоко-го мха...

Минут десять Неверов стоял на месте и ждал.

Интуиция его не подвела. Из-за горизонта вдруг началась странная черная метель. Ветер резко усилился, и вскоре черная волна закрыла видимость; стемнело. Неверов подставил под черный «снегопад» руку, и на ладонь упала ажурная «конструкция» – не снежинка, конечно, – росток сажи.

Сажепад прошел, ветер развеял по земле черную пыль, и краски энифианской природы засияли вновь.

Но зато начала вздыхать земля, вдох – заметный сдвиг почвы вверх, выдох – вниз, и так в течение получаса. В Зоне этого не замечаешь, автоматика гасит «дыхание» полностью. И как всегда после почвенных «вздохов», в зарослях кустар-

ника принялись вдруг бродить странные шипастые тени, слышались оттуда необычные звуки, отдаленно напоминающие человеческие голоса, смех, долгое эхо с отголосками.

Неверов оглянулся на белое, геометрически правильное и простое и тем самым резко выделяющееся на фоне чужой природы здание Зоны, поколебался немного, но для проверки слов Диего надо было отойти от Зоны шагов на сто. Так он и сделал, спокойно перейдя невидимую границу, которую еще ночью не мог преодолеть.

В кустарнике за холмами мгновенно смолкли все звуки, движение вокруг Зоны в пределах километра замерло. Ближайший «меланхолический» страж перестал чистить на скале шкуру и уставился сверху круглыми пустыми глазами.

– Так я и думал, – пробормотал Неверов, отходя от здания еще на полсотни шагов. Диего в Зоне усмехнулся на его слова – Неверов забыл про включенный передатчик скафандра.

Сделать это раньше – то есть отойти от Зоны – Неверов не мог, потому что ночью работала все та же «защита от случайностей», дело рук земных инженеров, а не аборигенов, как он считал. Днем, как всегда, защита была не нужна, и выключал ее, конечно, Диего Вирт.

Неверов с любопытством прислушался к наступившей настороженной тишине, потом почувствовал на себе знакомый тяжелый взгляд, передернул плечами и повернулся спиной к холмам. Было бы глупо считать, что энифиане со своей стороны не предприняли меры безопасности против любопыт-

ства человека. «Взгляд» со стороны – это уже их работа.

Цивилизация энифиан по всем прямым и косвенным признакам не была технической, «голая биология плюс психология» – по словам Гунна. «И, может быть, плюс к этому всякие штучки вроде телепатии и телекинеза, – подумал Неверов. – Тысячи лет биологической цивилизации! Кто знает, каких вершин знания достигли энифиане!...»

Вернувшись к зданию, он уселся посреди дороги на твердую подушку сухого мха и стал смотреть на удивительно скопобоченный холм в полукилометре, голый и потрескавшийся. Дорога из серого бетона, материала древнего, на Земле давно не применявшегося, утыкалась прямо в холм. Кто мог построить ее здесь, столь похожую на земные дороги двадцатого века? «Странно, что мы с Диего не говорили на эту тему, – подумал Неверов. – А он должен бы знать, сколько лет дороге, хотя в инструкции и запрещены активные эксперименты. Почему бы здесь не приземлиться звездолету с Земли двадцатого века?»

Ничто не предвещало ни малейшей опасности, пейзаж вокруг Зоны был спокоен, но все же Неверов стал замечать некоторые изменения в этом пейзаже: кустарник словно бы начал уходить под землю, уменьшаться в высоте, одновременно сжимаясь и пряча ветви и шипы.

Цвет мха стал серым, как у рыхлого весеннего снега. Страж на столбе тоже претерпевал изменения, превращаясь в кожистое одеяло, обнимающее шпиль своего насеста...

Неверов не первый раз видел метаморфозы энифианской природы, приготовления животного и растительного мира планеты перед ураганом, но каждый раз его захватывало это поразительное зрелище.

Лишь через полчаса проявились наконец физические признаки приближавшейся бури: небосвод позеленел, засветился, первый порыв ветра сдул с дороги подушки мха. Неверов с сожалением оглядел изменившийся до неузнаваемости ландшафт и поспешил ко входу в Зону.

Диего Вирт оглянулся на чмокнувшую дверь и ухмыльнулся. Неверов вошел с необычным для себя виноватым видом. После «открытия» барьера против обоснованного, но неразрешенного любопытства он должен был призадуматься, а это всегда на пользу увлекающимся натурам. Прежде чем что-нибудь сделать, он теперь кое-что вспомнит и сравнит...

– Ну? – напомнил о себе Тоидзе, вернее, голова Тоидзе, торчавшая в виоме, как голова профессора Доуэля из одноименного романа Беляева, писателя далекого двадцатого столетия.

– Мальчик не знал, что существует защита...

– ... от дурака.

Диего исподлобья посмотрел на инженера связи, и тот отвел виноватый взгляд.

– От случайностей, Ваню, от случайностей.

– Ну от случайностей, смысл тот же.

– По-моему, ты сегодня расстроен, Ваню. Никто из нас не терпит бездеятельности, особенно в таких условиях. Когда-нибудь мы научимся управлять своим любопытством, чтобы оно не оборачивалось злом. Может, человек не стал бы человеком, не будь он любопытен? А Лен молод, выдержки не хватает, но у него неплохие качества: искренность и восприимчивость к толковым объяснениям.

– Спасибо, я понял, – криво усмехнулся Тоидзе. – Я и вправду сегодня расстроен, мою кандидатуру снова отклонили.

Он, очевидно, имел в виду то, что давно хотел попасть в число дежурных на Эниф, но по каким-то причинам научный совет Базы уже в третий раз вежливо советовал ему подождать. Впрочем, эти причины Диего знал как никто другой. «Едва ли теперь вообще кто-нибудь попадет в Зону, – подумал он. – Наша смена скорее всего последняя». Вслух, однако, он этого не сказал.

– Ну, до смены еще полмесяца, многое может измениться, – успокоил он связиста. – Так что не унывай. Кстати, ты не в курсе, что ответили энифиане на наш вопрос относительно их космотехники? Помнишь, мы задавали им вопрос два дня назад?

Тоидзе пригладил свои знаменитые усы, не менее знаменитые, чем ресницы Гунна.

– Ничего они не ответили конкретно. Космической тех-

ники, как мы это понимаем, у них нет, как нет вообще никакой техники. В космос они выходят редко и не с познавательными целями.

– И это все?

– Не ты первый удивляешься. Тебе не кажется, что энифиане мудрее нас? Ведь главная ценность цивилизации – информация, а обмен пока далеко не равноценен, мы снабжаем их информацией чуть ли не в десять раз больше, чем они нас! Где справедливость?

– А ты спроси у Доброгнева, – усмехнулся Диего. – Он любит отвечать на такие вопросы. Что еще ты имеешь мне сообщить?

– Еще наши планетологи от безделья провели радиолокационный зондаж материка и обнаружили любопытное образование – нечто вроде наших областей со стоячими туманами. Они назвали эти туманные области – гаруа. Представляешь, километров по пятьдесят в диаметре круглые шапки туманов, а в центре россыпь странных столбообразных скал... Погоди-ка, тебя запрашивает шеф. Переключи связь на ОЭЛ.

Виом мигнул и воспроизвел кабинет директора Базы, больше похожий на кусок морского пляжа. Доброгнев заметил взгляд Диего и выключил видеопласт, комната приобрела нормальный вид.

Суровое лицо Доброгнева казалось необычно напряженным, словно он ожидал плохих известий, а может быть, то

сказывался эффект освещения – директор любил рассеянный голубой свет.

– Доброе утро. Что нового?

– Как будто ничего особенного. С Неверовым, очевидно, происходит то же самое, что и с остальными: прирост нервной массы, выхода энергии никакого, отсюда – нервная возбудимость и жажда деятельности.

– Но у тебя же сие не наблюдалось?

– Выдержка. Тренировка. К тому же мне не двадцать пять...

Доброгнев подумал и подключил канал связи с кабинетом Нагорина, главного врача Базы. Нагорин был не один, у передней панели медицинского комбайна, занимающего всю левую сторону комнаты, сидел заместитель директора по безопасности дежурств Руденко и разговаривал с одним из ученых-биологов, которого Диего знал только в лицо. Нагорин, оценив ситуацию, на минуту отключил связь, и, когда снова включился, ученого в кабинете уже не было.

– Слушаю, – глуховатым голосом сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. Говорил он, почти не разжимая губ, и тем, кто не знал его близко, мог показаться высокомерным или равнодушным. Но таковым в действительности он не был. Диего знал это достаточно хорошо.

– Что дало обследование дежурных? – спросил Доброгнев.

Нагорин покосился на медлительного Руденко и вздохнул.

– Увеличение общей нервной массы, естественно, прекра-

щается сразу же после их возвращения на Базу, то есть вне комплекса Зоны. Нежелательных последствий, в общем-то, никаких. Конечно, за время обследования. А что случилось?

– За месяц изменения в организме почти незаметны, – сказал Диего. – Идет как бы накопление средств для...

– Скачкообразной мутации, – докончил Нагорин. – Я думал об этом. Да, риск велик. Как далеко зашло у тебя?

– Он уже может заменить компьютер, – невесело усмехнулся Доброгнев. – Что он еще будет уметь, я не знаю. Факт остается фактом – все ваши методы защиты от энифианских способов воздействия на людей в Зоне не годятся, даже пакетная силовая защита.

– Характеристики этого излучения уже известны, – произнес Руденко. – Теперь все зависит от физиков, насколько быстро они от теории перейдут к практике и изготовят нам необходимую аппаратуру.

Нагорин долго молчал, рассматривая свои руки, как чужие: такая у него была привычка. Потом тихо произнес:

– Мы все отлично понимаем, что можем найти в случае удачи и что потерять. Конечно, пандологи поставят тебе памятник, Диего, но... не пора ли заканчивать эксперимент? Ведь мы не знаем, для чего энифиане воздействуют на дежурных в Зоне излучением или целым набором излучений, влияющих на генную память. Я понимаю, соображения руководителей УАСС³ и виднейших специалистов ИВК, на-

---

³ Управление аварийно-спасательной службы.

правленные на выяснение мотивов поведения энифиан, заслуживают внимания, но я уверен, что наши методы (он так и сказал *методы*, с ударением на слоге «то») выяснения этих мотивов, по крайней мере, некорректны.

– Это соображения безопасности для всей нашей цивилизации, – медленно сказал Руденко. – В УАСС работают опытейшие прогнозисты, способные предвидеть события на годы вперед...

– Дело не в компетентности работников аварийно-спасательной службы, – поморщился Нагорин. – И даже не в том – зачем энифианам экспериментировать над нами, какую цель они преследуют. Простите меня, но любой эксперимент над человеком бесчеловечен, даже если он направлен на выяснение опасности для остальных людей. Мы же видим: цивилизация энифиан явно нездорова, негуманна в самом прямом смысле этого слова. В связи с чем встает вопрос: не станет ли Диего когда-нибудь опасен для этих самых людей, ради которых он сегодня подвергается риску?

– Вывел! – крикнул Доброгнев, избегая смотреть на Диего прямо.

– То же самое имели в виду и эксперты управления, – пробормотал Руденко, с сочувствием рассматривая спокойную физиономию Вирта. – Не в этом ли и состоит цель энифиан – глобальная биоразведка земной цивилизации?

– Вы правы, – сказал Диего, погладив бритую голову. – Подстраховка мне не помешала бы. Но я на планете уже чет-

вертый месяц и... ничего. Едва ли их излучение способно резко изменить человеческое в человеке, слишком долго ле- пила нас природа, миллионы лет.

– Прости, Диего, – тяжело сказал Нагорин. – Я не хотел обидеть.

– Чего уж там, ты-то мог бы и не извиняться. Но закан- чивать эксперимент с нашей стороны преждевременно, ма- териала для определенных выводов мало. Ну и потом... я же сам согласился на продолжение.

Нагорин сардонически усмехнулся.

– Если ты об ответственности, то я ее не боюсь, это прой- денный этап. – Он снова усмехнулся. – Что же касается даль- нейшего участия в эксперименте... меня волнуют не столь- ко заботы цивилизации в целом, сколько судьбы отдельных личностей вроде тебя. Потому что на острие любого устрем- ления общества всегда стоят конкретные и чаще всего доро- гие сердцу люди.

– Спасибо, – серьезно сказал Диего.

– Ладно, – пробурчал Доброгнев. – У тебя больше ничего нет?

Диего замялся: вопрос был к нему.

– Есть одно наблюдение... Требуется проверки, но все же думаю, что не ошибся. Видите холм в конце дороги? – Диего повернулся к стационарному виому, показывающему пейзаж за стенами Зоны. – Так вот, по всему – это чужой космиче- ский корабль.

В помещениях Базы наступила тишина. Все молча смотрели на громаду холма. Наконец опомнился Руденко:

– Ничего не вижу. Не разыгрываешь?

– Оттуда ничего и не увидишь. Я сам долго сомневался, пока не проверил.

Доброгнев нахмурился.

– Каким же образом?

Диего хитро прищурился.

– Абсолютно легальным способом, не нарушая инструкции. Не забывай, я ведь мутант.

– Темнишь ты что-то, мутант. Но если твои наблюдения подтвердятся... Не пробовал определить возраст дороги?

– Каким же образом? – передразнил Доброгнева Диего. – Конечно, пробовал, получается сто пятьдесят плюс-минус десять лет. Возраст холма тот же.

– Серьезное открытие, – сказал Руденко. – И достаточно тревожное. С вашего позволения, я дам депешу в управление.

Все четверо переглянулись.

– Ладно, – еще раз сказал Доброгнев. – На Земле сумеют оценить эту информацию. До связи, разведчик. Ничего не предпринимай самостоятельно... без особых на то причин.

Виом спецсвязи угас. Диего скорректировал записи на стационарном блоке фиксации событий и задумался, глядя на стража, превратившегося в тонкое черное покрывало под порывами начинающейся бури.

На пульте тонко запищал сигнал метеопатруля.

– Вижу, вижу, – пробормотал Диего. – Зона к урагану готова.

Вскоре в зал ввалился Неверов, стал раздеваться, посматривая в окно дальновидения. Диего ободряюще подмигнул ему, и молодой человек ответил нерешительной улыбкой.

Глава 3

К ночи ураган за стенами Зоны немного утих, порывы ветра утратили свою былую мощь, рев и грохот сменился гулом и воем; ураган постепенно терял силу.

В центральном зале Зоны было тихо и уютно. Тишина и уют особенно подчеркивались черной круговертью за окнами дальновидения, пронизанной зигзагами и полосами электрических разрядов.

У пульта сидел Неверов, только начавший шестичасовую вахту, последнюю перед энифианской ночью. Он был полон сил и энергии, отчего сначала пытался петь, а потом читать вслух стихи, судя по рифмам, вернее, по их отсутствию, – свои.

Диего, наоборот, был неразговорчив и угрюм, что еще более разделяло столь непохожих друг на друга людей. Определенно с ним что-то происходило. Неверов как-то даже решил спросить его об этом напрямик, но передумал.

Иногда Диего словно резко просыпался и оглядывался вокруг с растущим изумлением, потом спохватывался и продолжал заниматься делом. Или с застывшим лицом начинал вдруг к чему-то прислушиваться, напрягался так с минуту, затем поворачивался к напарнику, лицо его смягчалось, и слабая улыбка трогала жесткие губы.

В такие моменты Неверов старался ничего не замечать и

думать лишь о связи с Базой, но поведение товарища начало его тревожить, Диего явно скрывал что-то от него, что-то существенное, пребывая при этом в неуверенности – сообщать об этом или нет...

Несколько минут Неверов просматривал записи прежних сообщений, нерешительно поглядывая на товарища, молча лежавшего на диване в спальном отделении, потом сказал:

– Знаешь, Диего, я все думаю над твоими словами о дороге. Тот холм, в который она упирается...

Диего повернул голову.

– Ну и?..

– Понимаешь, подозрительный он какой-то. Форма у него странная, а со стороны дороги он и вообще напоминает...

– Смелее.

– Ракету времен Королева!

– Ракету, – задумчиво повторил Диего. – Что ж, в наблюдательности тебе не откажешь. Не тебе одному кажется, что холм похож на ракету.

Неверов подозрительно посмотрел на Диего – не смеется ли?

– А вдруг это и в самом деле чей-то звездолет? – загорелся он. – Представляешь, какое открытие?! Давай сходим к нему, посмотрим вблизи... Если разрешат.

– Посмотрим, – спокойно проговорил Диего. – Только позже, лучше всего ночью. База разрешение даст, но риск слишком велик.

– Ну где тут риск? Пройти всего-то полкилометра.

– А ты не задавал себе вопроса: почему этот звездолет, если он звездолет, конечно, так занесен почвой? Почему он мертв столько времени, мертв, несмотря на присутствие энифиан, существ разумных? Я понимаю твои стремления, но до холма мы можем не дойти.

– Энифиане нас?.. – прошептал Неверов.

Диего посмотрел на его покрасневшее лицо и засмеялся.

– Воображение заработало? Сделать нам плохое энифиане, наверное, не смогут, но помешать – помешают. К тому же нарушать свое слово, пусть и данное неизвестно кому, неэтично.

Неверов потускнел.

– Интересно же!.. Чужой звездолет!.. Так близко...

– Интересно, спору нет. Но интересен не сам факт открытия чужого корабля, а то, в каких обстоятельствах состоялось это открытие. Вот и думай.

Диего вдруг упруго вскочил с дивана и подсел к пульта. Виом послушно «выдал» вечно сонное лицо Гунна и обесцветился защитой подключенного канала ОЭЛ.

– Привет, Эдвин. Я вчера дал запрос в информарий об экспедициях конца двадцатого – начала двадцать первого века, пропавших без вести.

– Есть ответ. Передать в кристалле или на машину?

– Проще на машину, секретов в этом нет.

Гунн проделал необходимые манипуляции, и в окошке координатора связи появились строки записей и фотографии космонавтов первых межзвездных экспедиций, не вернувшихся на Землю.

Диего быстро просмотрел сообщение с Базы и разочарованно откинулся в кресле.

– Не то? А что ты ожидал увидеть?

– Ни один корабль не подходит по форме. Понимаешь, о чем речь?

– Ты об этом холме-«звездолете»? А вдруг ты ошибаешься? И, кажется, ошибся. Но тогда перед нами чужой звездолет. Кто-то до нас контактировал с энифианами. А может, и не контактировал, а погиб при посадке. Не задать ли им по этому поводу вопрос?

Гунн помолчал, помаргивая своими длинными пушистыми ресницами.

– Одобрит начальство – спросишь, – сказал он наконец.

Диего хмыкнул и переключил видеоканал в медцентр. Нагорин был там, он вопросительно посмотрел на Вирта и кивнул.

– Ты просмотрел мой последний отчет? – спросил Диего.

– Это моя обязанность.

– Заметил? Они увеличили дозу облучения. То ли форсируют события, то ли конец эксперимента близок. Боюсь, Лену придется сократить срок дежурств. Скажем, до двух недель вместо месяца, иначе у него начнется то же самое.

– Процесс продолжается?

– Ты же читал отчет. – Диего покосился на внешне невозмутимого Неверова. – Более того, он ускоряется, я начинаю теряться в этой лавине изменений.

– Плохо. – Нагорин помрачнел. – Трудно анализировать собственное состояние? В таком случае без помощи тебе не обойтись. Не пора ли все рассказать ему? – Нагорин кивнул в сторону молодого коммуникатора. – Помочь тебе сможет только он один. Пока. Кстати, я вышел в секториат УАСС с предложением прекратить разведку независимо от вашего на то согласия. Опыт перерос рамки безопасности для его участников. Впрочем, он с самого начала был небезопасен.

– Не казни себя, – тихо проговорил Диего. – В таких вопросах трудно разобраться без проверки, а прогнозисты мы еще слабые.

Нагорин несколько мгновений смотрел на Вирта оценивающе, какое-то острое сожаление мелькнуло в его мрачных серых глазах, он кивнул и отключился.

У Неверова, очевидно, кончился заряд терпения, потому что он вдруг повернулся к сгорбившемуся Диего и произнес:

– Не ожидал от тебя такого свинства, уважаемый. Целых полторы недели я живу с тобой под крышей Зоны, будь она трижды благословенна, и ничего не знаю!

– Потихе, Лен, я слышу тебя хорошо. Один из древних мыслителей говорил, что долго живет тот, кто меньше знает. Шутка. Об излучении ты уже слышан, наши милые неви-

димые и неуловимые энифиане нашли вид излучения, вызывающий у нас изменения организма на молекулярном уровне. У всех дежурных до меня и у тебя тоже оно вызывало только увеличение объема нервной массы. Но вы дежурите всего по месяцу, а я уже четвертую смену...

– Но почему именно ты?

– Потому что я, кроме всего прочего, являюсь еще работником спецотдела УАСС. Теперь понятно?

Неверов криво усмехнулся.

– Понятно. Ну и денек сегодня, новость за новостью!

– Ты не интересовался, вот для тебя и новость. Но проблема перед нами стоит трудная. Энифиане перекрыли все источники информации, кроме официального канала; это не насторожило бы нас, если бы не их излучение, проникающее в Зону через все слои изоляции и силовую защиту. Вот что, Лен, отрегулируй-ка медкомбайн, мне необходимо в течение нескольких дней контролировать твое состояние. Не волнуйся, для сравнения. Я сейчас лягу, а ты буди, если что случится.

– Хорошо, – кивнул торопливо Неверов.

– Я в бассейн. – Диего кивнул и вышел из зала.

Неверов проводил его взглядом и погасил свет в зале. За стенами Зоны бушевала гроза, и всполохи электрических разрядов освещали зал дивными переливами холодного света.

Внезапно вспыхнул виом связи с Базой, показав обстанов-

ку одного из лабораторных отсеков, у виома стоял озабоченный Доброгнев. Из-за помех виден он был плохо, но Неверову показалось, что директор Базы нервничает.

– Как буря? – спросил Доброгнев, пробежав глазами по темному залу. Голос его был едва слышен. – Впервые длится так долго. Держитесь?

– Все нормально. Что нам сделается? Стены прочные плюс защита...

– Да и в метеорологическом отношении нам повезло: Зона расположена в довольно спокойной области материка, ураганы здесь гости редкие... А где Диего? Спит?

– Пошел в бассейн, сейчас придет.

– Он в последнее время ни на что не жалуется?

– В каком смысле? – растерялся Неверов.

– Ну как тебе сказать... – Доброгнев понизил голос и прищелкнул пальцами, подбирая выражение. – Жалобы на здоровье, эмоциональные вспышки, на головную боль...

– Нет, – с облегчением сказал Неверов. – Ничего такого не было. Правда, иногда он словно прислушивается к себе, чего-то ждет...

– Ждет, значит, – пробормотал Доброгнев, уходя в свои мысли. – Ну, это в порядке вещей. Ладно, спокойного дежурства.

Виом опустел.

Вернулся Диего с яблоками и кувшином шипучего сока, налил бокал Неверову, остальное поставил рядом с диваном.

Сок и яблоки были его слабостью.

Если бы Неверов пригляделся, он бы заметил, что Диего движется с закрытыми глазами, причем безошибочно. Но Лен не приглядывался. За окном дальновидения ураганные порывы ветра яростно хлестали стены здания ручьями дождя и цветного пламени. Гроза, вопреки прогнозу метеопатруля, усиливалась вновь.

...К шуршанию и скрипам затухающей вечерней жизни за стенами прибавился вдруг иной звук – долгое басовитое гудение.

Диего насторожился, прислушиваясь. Он находился в абсолютной темноте и все же ощущал явное присутствие каких-то огромных твердых предметов вокруг себя. Внезапно без всякого перехода он очутился в дневном лесу Энифа: светило замерло в зените, густой перистый кустарник был почти полностью золотистым.

Тела своего разведчик не чувствовал, ощущение было такое, будто он смотрит на мир чужими глазами, причем с внушительной высоты.

Басовитое гудение, не смолкавшее ни на миг, перешло в гул, потом в рев, и наконец под аккомпанемент адского грохота в нескольких сотнях метров от Диего с небес рухнула раскаленная добела масса. Жара, однако, он не ощутил, а масса, перестав двигаться, начала быстро гасить сияние, и вскоре Вирт понял, что видит перед собой космический ко-

рабль.

Пошевелиться он все еще не мог, оставаясь как бы бесстрастным наблюдателем, зато подмечал все детали необычного прилета космических гостей.

Долгое время (Диего показалось, что прошло много дней) чужой корабль стоял неподвижной скалой, окруженный со всех сторон «толпами» стражей. Потом в фиолетовой обшивке корабля появилась щель, и на почву лесной поляны выползли странные существа, похожие на свежевыкорчеванные пни. Существа эти с помощью своих многочисленных корневидных рук-щупалец смонтировали какие-то механизмы и, не обращая внимания на вопящих стражей, принялись строить... дорогу!

Это продолжалось долго, Диего не чувствовал течения времени, но все же почему-то знал – долго. Стражи унялись, основная их масса улетела, осталось трое, наблюдавших за чужим звездолетом с вершин откуда-то взявшихся шестов. Ничего похожего на их теперешние насесты Диего не заметил, видимо, они появились недавно, когда на Эниф пришли люди.

И вот Диего, с интересом следивший за действиями стражей и существ-пней, увидел, что дорога длиной в полтора километра построена. Тотчас же «пни» прекратили деятельность, многорукие, похожие на хозяев механизмы выволокли из звездолета какие-то конструкции и принялись за сборку. А когда новая машина была построена, Диего понял, что

«пни» строили не дорогу, они строили взлетную полосу, потому что собранный аппарат был самолетом.

Самолет загрузили, несколько «пней» залезли внутрь, и после разбега по «дороге» он исчез в пустом небе. Стражи не мешали полетам, хотя устроили подозрительную возню возле громады чужого корабля. И еще Диего отметил, что за все долгое время работы прилетевшей экспедиции в окрестностях корабля царило поразительное спокойствие: не пронесся ни один ураган, ничего похожего на сильную грозу или черную бурю.

Самолет совершил несколько полетов – Диего мог только догадываться, что «пни» изучали Эниф. А потом он вдруг заметил некоторые изменения в облике «пней»: из ярко-желтых они превратились в грязно-зеленые, тела их стали деформироваться, раздуваться, «головы» уменьшаться. Они все реже появлялись возле корабля, пока совсем не прекратили выходы.

Самолет их с очередной группой исследователей улетел и больше не вернулся... Долго, очень долго корабль стоял неподвижный, угрюмый, словно покинутый, но в один из дней вдруг загрохотал, вспыхнул ослепительным пламенем, клубы дыма и пыли полетели из-под него во все стороны, скрывая перспективу.

Поднимался он величаво, напомним Диего старты первых космических кораблей – «Союзов» и «Аполлонов», – но как-то уж очень неуверенно и слишком медленно. Поэтому уле-

теть не успел: налетели тучи стражей, облепили поднимающийся корабль, и разом все изменилось – рев стих, и чужой корабль плюхнулся на прежнее место. Пыль осела, стражи улетели, наступила тишина и неподвижность...

Лишь спустя «много дней» в корпусе звездолета открылся щелевидный люк, и на серую полосу взлетной полосы выползло какое-то существо. Диего взгляделся и с ужасом понял, что это страж! В корабле не должно было быть стражей, выполз, конечно, последний повелитель звездолета, но уж очень он походил на стража!

Мир сузился для Диего до размеров собственных глаз, потемнело. Тут он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

– Что? Кто это? Зачем? – забормотал он, силясь открыть глаза и удивляясь вернувшейся способности говорить, и увидел над собой встревоженного Неверова. – Что такое? – спросил он, поднимая голову от подушки.

– Ты спал и стонал, вот я и... Плохо себя чувствуешь?

– Да-а... собственно, нет, все нормально.

Диего откинулся на подушку и с удовольствием оглядел знакомую обстановку зала связи.

– Все нормально, малыш, просто я видел любопытный сон. Долго еще до конца смены?

– Два часа. Ты спи, энифиане молчат – ночь у них. Страж тоже молчит. Полетал немного над Зоной, пока ты спал, и снова сел, до утра теперь. Ураган уполз к Синим Горам.

– Уговорил. – Диего потер глаза и повернулся на бок. – Ну и сон!

– Расскажешь?

– Обязательно, позже. Лен, будь другом, принеси сока, лучше всего березового, а?

Неверов улыбнулся и кивнул.

Окно дальновидения казалось толстой плитой из черного непрозрачного стекла – ни огонька, ни отблеска света не мелькало в его глубине.

Темнота за стенами Зоны была такой всеобъемлющей и глубокой, что казалось – Зона погребена под километровой толщей скал или вод океана.

Неверов, налюбовавшись энифианской ночью, принес из стандартного синтезатора гору фруктов и с удовольствием смотрел, как Диего ест.

– Итак, у нас осталось пять часов личного времени, – крихтя произнес Диего, нагибаясь за упавшим яблоком. – Кстати, поздравляю тебя с полной адаптацией в условиях Зоны. Не тянет на Базу? Восторженные взгляды операторш и все такое прочее...

– Не тянет, – смутился Неверов и с хрустом откусил сразу пол-яблока, хотя есть не собирался. – К дежурствам я действительно привык, как-никак две недели здесь, опыт, понимаешь... Сегодня прилетал какой-то незнакомый страж, орал на нашего меланхолического. Я только что вспомнил.

– Вот как? – пробормотал Диего. – Кричал? Начальник, наверное. За лень ругался.

Они улыбнулись друг другу. Неверов привык к тому, что Диего постоянно к чему-то прислушивался, поэтому ни о чем его не спрашивал, справедливо полагая, что ему все будет рассказано, когда придет время.

– Между прочим, – сказал он, доев яблоко, – ты обещал мне рассказать свой сон, помнишь?

– Сон? – пробормотал Диего. – На сон, брат, тот «сон» не похож...

Со времени своего странного «сна» Диего не раз размышлял над поразительным совпадением увиденного во сне с тем, что он знал о холме в конце дороги, и пришел к выводу, что сон – это скорее всего наведенная гипноиндукционная передача и он стал ее реципиентом. Ибо чем мог быть навеян такой сон? Откуда такая ошеломляющая правдивость и жизненность? И главное – почему он так подробен? Сны, как правило, забываются почти сразу, а в этом помнится каждая мелочь. Но тогда возникает вопрос: кому и зачем понадобилось проводить сеанс гипноиндукции? Причем избирательной, Неверов ведь ничего не видел и не слышал. Получается, что он, Диего Вирт, землянин, приобрел информацию, прямо отвечающую на вопрос, какова цель эксперимента энифиан. Сами ли энифиане решили сообщить об этом или у людей появился неизвестный союзник, рискнувший предупредить их о замыслах хозяев планеты?

О «сне» Диего сразу же сообщил на Базу, но с тех пор по этому вопросу База молчала – очевидно, дело вращалось в институтах Земли.

И еще одним соображением поделился Диего с Доброгневом: звездолет «пней» из его «сна» был настолько неуклюжим и древним, судя по работе двигателей – ракетно-ядерным, что межзвездным кораблем его трудно представить. В связи с чем стоило поискать родину «пней» как в системе Энифа, так и у ближайших звезд. Открытие цивилизации «пней» послужило бы отличным доказательством того, что «сон» Диего – утечка информации из стана энифиан, происшедшая без их участия.

Не дождавшись продолжения, Неверов переменял тему разговора.

– Не могу понять истинных функций стражей. – Он кивнул в сторону окна дальновидения. – Разумными они не выглядят, делать ничего не делают. Сидят и орут время от времени. Глядя на них, я всегда вспоминаю гарпий из древнегреческого эпоса.

Диего прищурился.

– Похоже. А насчет их разумности... Может, с их точки зрения мы тоже выглядим кретинами?

Он вспомнил, как год назад был установлен контакт с энифианами.

Линейный разведчик класса 200⁴ «Искра», последний из

---

⁴ Радиус разведки до двухсот световых лет.

серии ненацеленных⁵ кораблей Даль-разведки, задачей которого был поиск разумной жизни в созвездии Пегаса, изучая систему звезды Эниф, эпсилон Пегаса, обнаружил, что вторая планета системы, с мощной, насыщенной электричеством атмосферой, населена странными существами, названными впоследствии стражами. Биологическое исследование планет не входит в обязанности линейного разведчика первого класса, поэтому «Искра» спустя сутки стартовала с поверхности планеты и... была буквально атакована стражами.

Старт пришлось отменить, разведчик попытался перейти на облетную кривую, но это ему не удалось: стражи свободно перемещались в пределах атмосферы (и даже за ее пределами, как выяснилось позднее), и лишь включение рейсового режима позволило кораблю вырваться из неожиданных объятий планетарной биомассы. Поведение стражей было столь недвусмысленным, что разведчик, покружив на десятитысячекилометровой высоте, вынужден был отказаться даже от картографирования и фотометрии планеты. Однако энифиане первыми просигнализировали о своем желании вступить в контакт, хотя сигналы были расшифрованы только на Земле. В то время никто не предвидел последствий этого контакта. Земля ликовала по поводу обретения братьев по разуму...

---

⁵ То есть изучающих определенную область пространства со многими звездами, в отличие от кораблей, изучающих определенную звезду.

Неверов прав, роль стражей в этой истории не ясна, но название им выбрано удачно. Стражи, сторожа, охранители тайн энифианской цивилизации... А сами энифиане законспирировались так хорошо, что невольно начинаешь предполагать разум у этих «симпатичных» тварей. И все же почти полное совпадение «сна» с действительностью – и там и тут вмешиваются стражи и задерживают космические корабли. Нет, это не сон, это правдивая история, рассказанная тем самым последним «пнем», который превратился в стража... Больше некому... и незачем. Что же молчит Земля?

Диего перестал есть и с сожалением посмотрел на фрукты, рассыпанные по столу.

– Знаешь, в последнее время я никак не могу насытиться, хожу голодный, как бронтозавр. К чему бы это?

За стенами Зоны вдруг странно закричал страж, сорвался с насеста и долго летал над зданием, словно высматривая в нем что-то громадными белыми глазами без зрачков. Диего при этом напрягся и замер, прислушиваясь, потом расслабился и смахнул выступивший на лбу пот.

– Я почему-то чувствую к этому уроду симпатию.

– Родство душ, – пошутил Неверов, у которого мурашки поползли по спине от слов товарища. – Кстати, что ты все время сидишь с закрытыми глазами? Спать хочешь?

Диего на мгновение открыл глаза – Неверов похолодел! У Вирта были совершенно черные, словно целиком занятые зрачками глаза!

– Понимаешь, Лен, – глухо сказал Диего. – Я, понимаешь, вижу сквозь веки... и не только сквозь веки. Вот, понимаешь, какой коленкор.

Неверов сглотнул.

– Надо сообщить об этом на Базу, Нагорину.

– Он знает. Не пугайся, старик. Хотя... мне тоже, честно говоря, страшно. Не такой уж я и герой, а?

– Что же делать? – Неверов улыбнулся неуверенно, растерянный и встревоженный.

– Пока ничего. Чувствую я себя неплохо, разве что есть хочу все время, так это не беда, как ты думаешь? – Диего явно пытался поддержать коммуникатора. – Кстати, какими ты представляешь энифиан? Ради любопытства?

Это «кстати» Вирта было как нельзя кстати – слишком богатое воображение Неверова рисовало ему такие картины, от которых он, по собственному выражению, мог «прослезиться алмазами».

– Какими? – переспросил он, всплывая к яви. – Ты же прекрасно знаешь, что энифиане ничего не ответили на прямой вопрос, а по косвенным данным можно только предположить, что они не млекопитающие, не рыбы и не насекомые. Рептилии? Биологи, кажется, открыли здесь нечто подобное. В разумную плесень я не верю, в то, что энифиане – гуманоиды, тоже. Что еще? Если хочешь знать, я в последнее время вообще сомневаюсь в наличии на Энифе цивилизации. Где следы ее деятельности? Где сеть коммуникаций, опутываю-

щая планету? Где, наконец, радиационный фон связи? Ничего этого нет...

Диего рассеянно взял со стола апельсин, взвесил его в руке, вздохнул и положил обратно.

– А как ты думаешь, к какому классу живых существ относятся стражи?

– Я не специалист по химерам, – буркнул Неверов. – По моему, ответ на этот вопрос ты можешь получить у биологов Базы, они давно расклассифицировали всю живность Энифа.

Диего улыбнулся. Улыбка на его лице с закрытыми глазами выглядела по меньшей мере странной.

– Ладно, давай заниматься делами. Чем собираешься заниматься ты?

– Не роботами, не волнуйся... сбил ты меня своими вопросами с толку. Может, пойдём поборемся? Я намерен выстоять целых две минуты. А потом поработаем с эфиром.

Вирт легко подхватился с места и напряг мышцы.

– Идет. Переодевайся.

Неверов не знал, не мог даже представить, с каким трудом давалась Диего эта легкость движений и спокойная улыбка на лице.

Глава 4

Уже перед рассветом Диего решил погулять вокруг Зоны.

– Не заблудись, – крикнул ему вслед Неверов, занятый настройкой координатора.

Диего неторопливо обошел здание Зоны, посматривая на уснувшего стража. Лес стоял тих и темен – ни одного движения, ни звука не доносилось из его таинственных зарослей. Мир стражей и неведомых энифиан еще спал.

Диего ощущал в себе такие изменения, столько возможностей, что боялся верить даже своей способности видеть сквозь любые предметы, даже сквозь стены Зоны. Слышал он также отчетливо и отлично и причем избирательно: мог слышать, например, как Неверов шагает по залу Зоны и напеваает песенку или как «переговариваются» свистами автоматы в энергетическом сердце Зоны; стены при этом ему не мешали.

Воровато оглянувшись по сторонам и погрозив неподвижному стражу пальцем, Диего развел руки и подпрыгнул. Результат был такой, будто его выбросило вверх катапультой! Он взлетел выше здания Зоны, перекувырнулся через голову и приземлился в кустах в ста метрах от дороги...

В наушниках раздалось восклицание Неверова, заметившего последний акт разыгравшейся драмы – падение Вирта на спружинившую массу кустарника.

– Что с тобой, Диего?! Помочь?

– Не суетись, – хрипло отозвался Диего, переворачиваясь на живот и вставая на колени. – Это просто не совсем удачный эксперимент. Я сам... виноват... не беспокойся.

Неверов все же выскочил наружу, но Диего отправил его назад, не желая разьяснять причин своего неожиданного падения.

Полчаса он отдыхал. «Полет» вызвал такой расход энергии, что все тело казалось рыхлым и ватным, и сердце никак не хотело успокаиваться. Повторить опыт он не решался, сил на второй полет могло просто не хватить.

Страж на столбе не двигался, безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Диего наблюдал за ним несколько минут и удовлетворенно кивнул. Под утро у стражей, очевидно, кончались запасы энергии, и они «засыпали». «Странно! – подумал вдруг Диего. – Странно, что я не могу разглядеть строение стража. Ведь даже стены Зоны для меня „прозрачны“, почему же непрозрачна шкура стража? По-моему, мы здесь сталкиваемся с чем-то абсолютным. Абсолютным отражением, например. Надо будет посоветоваться с физиками».

Диего прошел к дороге, вернее – взлетной полосе, построенной существами-«пнями», в этом он уже не сомневался. Еще раз успокоил Неверова, мол, все нормально, и решил пойти к холму, вырисовывающемуся на фоне побледневшего небосвода четкой громадой.

Тишина не нарушалась ни одним звуком – уже ставшая привычной обстановка, но все же он старался ступать бесшумно, хотя знал, что стражи слышат звуки ничуть не хуже, чем он сам с его новым суперслухом. Одно успокаивало – он чувствовал, когда стражи начинали просыпаться. Это новое чувство было проверено неоднократно, и еще ни разу он не ошибся. К тому же ближайший к Зоне страж в самом деле отличался от остальных не только меланхолическим поведением, но и еще чем-то неуловимо тонким, чему Вирт пока не подобрал названия. Возможно, страж был очень и очень стар, а может быть, он не всегда был стражем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.